

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн

Чтение мыслей

«Public Domain»

1916

Куприн А. И.

Чтение мыслей / А. И. Куприн — «Public Domain», 1916

«На днях г. Лернер по поводу моей заметки в „Журнале журналов“ – „Вольная академия“ уличил меня в незнании истинной истории пушкинского кольца, вернее – нескольких колец Пушкина...»

© Куприн А. И., 1916

© Public Domain, 1916

Александр Иванович Куприн

Чтение мыслей

На днях г. Лернер по поводу моей заметки в «Журнале журналов» – «Вольная академия» уличил меня в незнании истинной истории пушкинского кольца, вернее – нескольких колец Пушкина. Уличил не без основания. Увлечшись легендой, я правда смешал А. И. Тургенева с Н. И. Тургеневым (из них первый присутствовал при предсмертных мучениях поэта и потом провожал его тело в деревню, а второй был в это время за границей), а Даль, в моей передаче, получил перстень с изумрудом из рук самого Пушкина, а не от его вдовы. Каюсь. Виноват в небрежности, торопливости, рассеянности и забывчивости. Виноват тем более, что все биографические источники мне когда-то были известны. Просто мною овладела первоначальная изустная легенда.

И на таком извинении я бы и окончил мой ответ г. Лернеру, если бы этому бесспорному знатоку Пушкина не пришлось в голову сделать несколько неприличных и недостойных серьезного писателя выпадов по моему адресу. По не для г. Лернера я должен сделать возражения против некоторых пунктов этой статьи.

Во-первых. Никогда, нигде и никому я не писал и не говорил следующей гнусной фразы: *«Какой бы то ни было ценой я куплю кольцо Пушкина»*; да и сама эта фраза совершенно противоречит моей идее *преемственности* кольца. Г-н Лернер эти слова приписывает мне дважды, а дважды сказанная неправда есть ложь. Ведь не из репортерской же заметки взял г. Лернер это тяжкое обвинение. Во-вторых. Г-н Лернер приписывает мне честолюбивое желание обладать талисманом великого поэта, как значком чемпиона от литературы. Я могу назвать много писателей, несравненно более меня достойных этой своеобразной и прекрасной почести, налагающей на носителя тяжелое и ответственное бремя. Про себя же я всегда говорил и думал, что моя работа – второй сорт. И в статье о «Вольной академии» я громко говорил о новых, молодых, растущих талантах. В-третьих. Академические лавры Бунина не дают мне спать. Почему было, кстати, не сказать, что я завидую Еноху, взятому на небо живым? Бунин – настоящий академик, и я не удивлюсь, если он в недалеком будущем получит даже почетные пальмы Французской академии, подобные тем, которые получил раньше Мамин-Сибиряк за «Аленушкины сказки». Бунин – тонкий стилист; у него громадный багаж хороших, здоровых, метких, настояще русских слов; он владеет тайной изображать, как никто, малейшие настроения и оттенки природы, звуки, запахи, цвета, лица; архитектура его фраз необычайно разнообразна и оригинальна; богатство определений, уподоблений и эпитетов умеряется у него строгим выбором, подчиненным вкусу и логической необходимости; рассказ его строен, жив и насыщен; художественные трудности кажутся достигнутыми непостижимо легко... И многое, многое другое. А Енох отличился праведной жизнью. Ни то, ни другое мне не свойственно, а потому, вопреки г. Лернеру, я сплю спокойно. И все это г. Лернер приписал мне по какому-то наитию, руководимый странной, непрошеной прозорливостью, будто читая в моем сердце. Ах, давно искусство чтения в сердцах составляет почтенную, но скользкую профессию. Господин Лернер, как присяжный чтец мыслей, все знает, все разберет и все решит. Сделав мимоходом нахлобучку Бунину, погрозив, на всякий случай, начальственным перстом Арцыбашеву, он круто, не доказывая и не допуская возражений, решает, что никто из ныне живущих писателей не был бы достоин ношения пушкинского талисмана. – Никто? – Предположим. – И теперешняя молодежь в будущем? – Допустим. – А еще более молодое, еще, может быть, не народившееся поколение? Или с Чеховым, к удовольствию г. Лернера, иссяк родник русских талантов? Нет, в это мы не верим. Иначе точка, тьма, отчаяние... Преемственность талисмана подобна дару пророчества, королевскому сану или благодати священства. Носители его могут быть несовершенны, но представляемая ими идея не теряет величия.

А впрочем, превратись милая легенда о кольце в действительность, г. Лернер скажет: «Пойдем в участок... то бишь в Академию, там начальство разберет, кому и что. Оно уж знает».